Глава 1: Дождливая ночь в Чанъани

540 год н. э., Вэй столица Чанъани, поздняя осень.

Дождь начал идти с полудня. Сначала, он шел лишь слегка, но к вечеру он превратился в сильный ливень. На дороге было очень мало прохожих.

Было еще рано и в городе еще не зажглись фонари, но как только небо сильно потемнело, они стали появляться один за другим. Освещение было сосредоточено и исходило главным образом в пределах 10 ли от Восточного Города. Именно здесь располагался имперский Город, также он был местом жительства богатых и знаменитых.

В Западном Городе в основном проживали простолюдины. Немногие люди, живущие там, зажигали фонари. Однако, на северо-западе Западной стороны было яркое пятно. Этот свет был значительно ярче, чем обычный. Свет не переставая мерцал и переливался.

Он исходил от небольшого храма. Этот храм был очень ветхим. Его стены и оба западно-восточных крыла уже разрушились. К этому времени остался только главный зал для идолопоклонения и жертвоприношений.

В зале находилась статуя идола, сидящего на алтаре. Поскольку там не было служителя, который бы позаботился о его состоянии, идол был довольно серьезно поврежден. Лак, когда-то покрывавший его, облез, обнажив под собой глину. Уже невозможно было определить, какую сверхъестественную сущность он представлял собой.

В центре главного зала горел костер. Вокруг костра стояло несколько одетых в рванье нищих. Они были молоды. Самому старшему было не более 13-14 лет, а самому младшему было 8-9 лет.

У более взрослого была маленькая грудь, похожая на шишки, вероятно, это была девушка. В этот момент она держала чашку с лекарствами, разговаривая с товарищем, который лежал на полу перед идолом.

Этот нищий, который лежал на соломе, был мальчиком примерно 12-13 лет. Он был очень худым, и по неизвестной причине противоречил своей собеседнице, которая подошла к нему с лекарствами. Он не брал лекарство и только упрямо смотрел на девушку, отчего она пыталась убедить его разными способами, но он все равно отказывался принимать его.

Помимо этих двух, в храме было еще люди. Мальчик готовил пищу. Так называемое приготовление пищи было просто делением ее поровну, которую они получили в качестве подаяния и распределили ее в два горшка, поставленных на огонь. Хотя этот человек тоже был нищим, но он был не таким изможденным, как его товарищи, и выглядел здоровым и упитанным.

Там была еще девушка, которая занималась рубкой дров. У нее были большие глаза, но она все время молчала. Она общалась с другими только с помощью жестов, наверное, она была немой.

Девушка, которая пыталась дать лекарство ее товарищу, не сердилась, когда он упорно отказывался принимать его или вел себя грубо, вместо этого она пыталась осторожно выяснить причину этого.

Мальчик больше не смотрел на девушку и отвернулся, отказываясь отвечать.

Девушка, уговаривая его, сказала еще несколько слов, и попробовала снова дать лекарство, когда мальчик вдруг сел и отшвырнул чашку в сторону, глядя на девушку со злостью.

Девушка нетерпеливо подняла ее. Чашка не разбилась, но лекарства рассыпались по земле.

Мальчик склонил голову и посмотрел на девушку. Гнев в его глазах постепенно угас, сменившись на глубокую печаль. Мгновение спустя, он вытер рукавом слезы , и перевернулся на другую сторону, больше ничего не сказав.

Девушка беспомощно посмотрела на мальчика, который лежал на земле, а затем подошла к толстяку, который занимался готовкой, чтобы отдать ему чашку. Она с тревогой посмотрела на дождь за окном, который становился все сильнее и сильнее, «вы знаете, куда ушли Лу Пинцюань и Мо Ли?»

“Я их не видел. Чан Ли не хочет пить лекарство?” спросил Толстяк.

Девушка покачала головой: “как насчет Нань Фэна, ты видел его?”

Толстяк покачал головой, “Хозяйка Чу, я пойду и попытаюсь найти его, хорошо?”

“Лучше пойду я ”. Девушка по имени Чу махнула рукой.

В то время, как оба были заняты беседой, снаружи послышались шаги. Звук шагов, казалось, приближался. Через мгновение, в помещение зашли двое нищих. Старшему из этих двух попрошаек было около 13-14 лет, и он был голым по пояс. Младшему было около 8-9 лет, на его голове была корзина и он был одет в рваное пальто .

Как только двое вошли в дверь, вдруг откуда-то сбоку выскочил темноволосый худой мальчик, одетый в одежду без подкладки, “черт побери их предков, этот отец собирается промочить всех до нитки”.

“Нань Фэн, что ты прячешь за пазухой?” спросил Толстяк, который готовил пищу.

“А как ты думаешь?”, темноволосый и худой мальчик безнадежно улыбнулся.

“Хорошо, собери всех, будем есть”. Лу Пинцюань обращался к Толстяку. После того, как он сказал это, он махнул в сторону девушки по имени Чу, “Хуайжоу, пойдем. Мне нужно кое-что обсудить с тобой”.

Чу Хуайжоу кивнув, пошла в сторону Лу Пинцюаня, и они начали что-то обсуждать тихими голосами. Толстяк начал раскладывать пищу по тарелкам.

В то время как Толстяк делил еду, Нань Фэн подошел к идолу и незаметно достал из-за пазухи бутыль с вином и протянул ее Чан Ли. “Для тебя это будет хорошим лекарством”.

Толстяк разделил еду на шесть частей, супа осталось совсем немного. Он аккуратно слил суп из двух кастрюль в одну миску, и сразу же выпил его.

Чу Хуайжоу и Лу Пинцюань, казалось, обсуждали очень важное дело. У обеих на лицах было очень серьезное выражение. Время от времени, во время разговора они оглядывались на остальных, не известно, боялись ли они, что кто-нибудь услышит их беседу, или они обсуждали то, что касалось всех.

Нань Фэн и Чан Ли стали по очереди пить вино из бутылки. Нань Фэн, казалось, хотел что-то

спросить, но Чан Ли просто покачал головой и не ответил.

В полуразрушенном храме были крысы, они выбежали из темноты, почувствовав запах еды. Он двигались в сторону немой, но она не прогнала их, и дала им еды.

“Старшая Сестра Чу, Нань Фэн в очередной раз украл вино и Чан Ли пьет его”, пожаловался Мо Ли.

Чу Хуайжоу повернула голову, услышав это и махнула рукой в сторону Мо Ли - “Чан Ли страдал от симптомов простуды, он пьет вино, чтобы согреться”.

Некоторое время спустя, Лу Пинцюань и Чу Хуайжоу направились к костру.

Лу Пинцюань подошел к костру, держа в руках чашку с рисом. Он достал из нее кость и отдал ее Мо Ли, но даже после этого, он не стал есть оставшуюся пищу. Он высыпал все в миску, которую держал Толстяк.

Возможно, подобное уже происходило раньше не один раз, так как двое не отказались от этого и с благодарностью ели.

“Говори”. Лу Пинцюань посмотрел на Чу Хуайжоу.

Чу Хуайжоу покачала головой, “лучше скажи ты”.

Все слышали, что тон их голосов был не обычным, и один за другим они склонили головы, смотря на них в ожидании. Все так сделали, за исключением немой девушки, которая молча ела. Немые, как правило, являются глухими.

“Хорошо, я буду говорить”. Лу Пинцюань пытался сформулировать свою мысль, “вчера, в Чанъани случилось важное событие, вы, наверняка, должны были слышать об этом”.

“Старший брат, ты говоришь о Собрании Дхармы в Восточном Городе?”

Лу Пинцюань кивнул.

“Я слышал, что в собрании Дхармы будут бороться за сутры”, сказал Толстяк.

Лу Пинцюань кивнул, “на этот раз в собрании Дхармы будет лично председательствовать даосист Ю Хуго, и будет проводиться массовый подбор персонала. Победитель турнира боевых искусств будет не только награжден официальной должностью, но также сможет обратиться к Небесной Книге с даосистом Ю Хуго. Много сект послали своих руководителей. Я подумал, что мы также должны пойти в Восточный Город, чтобы испытать удачу. Возможно, какие-то секты примут нас. Даже если мы не подойдем им в качестве учеников, но все же быть дворником у них будет лучше, чем укрываться здесь”.

После того, как Лу Пинцюань закончил говорить, все замолчали.

Он продолжил: “укрываться здесь не вариант для нас, надо искать выход из ситуации. Это редкая возможность, которую нельзя упустить”.

Увидев, что никто не возражает, Чу Хуайжоу, которая стояла в стороне, сказала: “Итак, решено, завтра мы едем в Восточный Город”.

Лу Пинцюань окинул всех взглядом, “расставание близится, я хочу, чтобы все остались

друзьями, я не знаю, вы так же считаете или нет?”

Все непонимающе кивнули.

“Мо Ли, помой хорошо свою миску”. Лу Пинцюань вытащил кинжал из-за пояса, “Нань Фэн, принеси вино”.

“Старший брат, я слышал, что разбойники клянутся на крови с вином, добропорядочные люди делают это другим способом”, сказал Тостяк.

“Скажи мне, что ты имеешь в виду, что это за способ”, сказал Лу Пинцюань, размахивая руками.

В этот момент, Мо Ли уже направлялся к воротам, чтобы вымыть свою миску, но он тут же в панике обернулся, “Старший Брат, кто-то идет”.

Услышав эти слова, все посмотрели на вход и увидели фигуру под дождем, которая медленно шагала в сторону полуразрушенного храма.

Когда человек подошел ближе, все смогли увидеть его одежду. Ему было около 50 лет, он был одет в потертый синий длинный халат. Он держал уже выцветшее, сшитое из желтой ткани знамя, а в правой руке у него была деревянная трость, на которую он постоянно опирался при ходьбе.

Все бывали в городе и не было никого, кто не узнал бы по одежде этого человека. Это был слепой прорицатель.....

http://tl.rulate.ru/book/3475/102094